

Е Л Е Н А О Ж И Ч

Наталья Акимова.
Портрет
Елены Ожич.
2016. Бумага,
пастель

ТРЕТИЙ РЯД

Я никогда не хотел быть первым.
В первом ряду на линейке школьной
Пусть стоит весь совет отряда,
Записные отличники, штатные активисты.
Мне же больше подходит место
У всех за спинами, за цветами, бантами.
В третьем ряду буду стоять
И пинать второй ряд под колени.
В старших классах я буду смотреть линейку
Из-за угла, докурю и пойду на уроки.
Первая парта — она для очкариков,
Вторая — для хорошистов,
Места для нормальных людей
Начинаются с третьей и до «камчатки».
В универе я тоже буду сидеть на задворках,
Ряд десятый, а то и дальше.
Слушать препода в половину уха,
Пирожки точить на последней паре.
Я привык к тому, что я третий, младший,
Но однажды пришел домой и услышал: умерла бабушка.
Я увидел, что первый ряд передо мною стоявших рухнул.
Старшее поколение в нашем роду иссякло.
Это было горько, но не очень страшно,
Потому что передо мной были средние — мои родители.
Но и в этом ряду стали появляться бреши —
Умирани дядья и тётки, их родные сёстры и братья,
Ряд второй стал светиться, как лес прореженный
На весеннем солнце.
С каждым днём становилось ясно: и эти рухнут,
Между тобой и (нужное дописать) никого не останется,
То ли вечность там, то ли неизвестность,
То ли ад крошечный, то ли блаженный остров,
Но туда, как я понял, из наших особо никто не рвался.
И тогда не захочешь, а станешь первым,
Чёртов первый ряд, на тебя все смотрят,
Дураки, что сзади, толкают в спину,
Под коленку тычут, по ушам щелкают,
«Блин, ну вы чё, как дети...»
Обернулся — смотришь, и правда, дети,
Дальше тоже дети, совсем малявки,
Это внуки? — думаешь. — Мои внуки????

Ты уже сто лет так живешь —
Всё-то понял и всё-то знаешь.
Думал, хрен тебя чем проймешь, чем достанешь.
Не придуман еще лемех,
Чтоб распахивать твою залежь.

Ты ведь тёртый малый, вокруг наждак —
Распили повдоль и увидишь кольца,
Этот слой прирастает так,
Что другой к тебе подходи и бойся.
Думал, нужен особый сплав,
Сортовая сталь, именнаяковка...
Почему же, голой рукой достав,
Открывают простой иглою?

Эти рисунки выцвели,
Потому что каждый день солнце
Проводило по ним рукою,
Выбеливало слой за слоем.
Они висели на холодильнике,
Каждый уголок — на магните,
Между зайцем с ушами из сережék вербы
И записками «Я люблю тебя мамачна цылую»,
На которых буква «я» смотрела
В другую сторону.
Я хотела их выбросить,
Но решила оставить,
А иначе я ведь не вспомню
Лет через тридцать, какой
Ты видела меня в свои шесть-семь-восемь лет, —
С голубыми глазами, хотя у меня серые,
В шляпке, которой у меня отродясь не было,
С причёской буклями, а у меня вихрится.
Одно правда — лет через тридцать
Мое лицо будет таким же выцветшим,
Как на твоих рисунках.
Очень красивые,
Девочка рядом, держит за руку,
Над нами цветы и бабочки.

ЕЛЕНА ОЖИЧ

живет в Барнауле. Окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета в 1997 году. Пишет стихи и детскую прозу.

В 2011 году стала победителем краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества». Лауреат фестиваля «Издано на Алтае», краевой Пушкинской премии. В 2011 году стала дипломантом литературной премии Владислава Крапивина.

Произведения публиковались в журналах: «Алтай», «Барнаул литературный», «Ликбез».

Изданные книги: «Истории взрослых» (стихи, 2010), «Мышиный цирк» (аудиосказки, 2010), «Как я ничего не ела» (2011), «Звезды, найденные в лесу», «Про Димку Мишина. Ради любви к искусству», «Валяный сапожок», «Мой папа — мальчик» (2014, издательство Clever, Москва).

ТАТЬЯНА

Сергиев Посад. Интернат.
 Привезла врачам показать,
 А они говорят: вам решать.
 Из-за левого плеча не молчат:
 «Оставляй, поезжай назад,
 Это не человек — немощь,
 Будет лежать, как овощ,
 Висеть на тебе, как ветошь.
 Всей-то радости, что ест и дышит,
 Не увидит тебя, не услышит.
 В детский сад не отдашь,
 Не выдашь замуж,
 Все поймут, оставляй уж».
 Из-за правого плеча не молчат:
 «Не бросай, сама будешь
 Ветошь, сволочь,
 Душу тебе разъест
 Кислота, щелочь,
 К Сергию иди, у него проси помощь».
 Думает она ночь, идет к нему днесь,
 Дай мне, просит, работы здесь,
 Хлеба немного есть,
 Где-нибудь поселиться здесь,
 Между мной и ею крепкую цепь повесь,
 Чтоб мы остались в городе твоём
 Вдвоём.
 А его приведешь — втроём.
 У святого в аккуратном посаде —
 Белые стены, купола, голуби.
 Тот, за левым плечом, в досаде
 Хмурит брови, кривит губы.
 Сергей смотрит на нее из своего рая-сада —
 Мол, только ее люби,
 А я сделаю все, как надо.

 Когда-то мы были одним человеком,
 И было в одном его теле два сердца,
 Потом твое выбралось, легло в мои руки,
 И мы оставались еще
 одним человеком. Ну, как бы. Недолго.

Потом я была твоею едою,
 Потом я была твоими ногами,
 Потом — кухаркой, сторожем, прачкой,
 Чтецом тебе сказок,
 Носителем ранца — сначала до парты,
 Потом до крылечка, потом до калитки,
 Потом ты сказала: «Ну, мама, не надо»,
 И больше меня не хотела в подружки...

... Потом я была устроителем свадьбы,
 Потом стала бабушкой твоим детям,
 Водила их на футбол и на скрипку,
 Носила им ранцы — сначала до парты,
 Потом до крылечка, потом до калитки,
 Потом они выросли и заходили все реже...
 Потом я умру,
 Но ты оставайся — так долго, как сможешь,
 Быть сердцем вторым одного человека.

Разговор сегодня — самое то.
 Проходи, открывай один.
 Выбор, в общем-то, только в том —
 Старый продолжим
 Или новый поговорим.
 От него ни похмелья,
 Ни запаха табака,
 Но зато помогает,
 Ты не поверишь, как.
 И тебя отпускает
 От одного глотка.
 Отлегают, включается переток —
 Из пустого в порожнее,
 Тебя-меня,
 Происходит хорошее,
 Непонятно что,
 Что коньяк пытался, да и не смог,
 А сейчас мы будем, не смешивая,
 И уже второй откупорили, чпок.
 Говори, рассказывай, поддержи,
 Два хронических болтуна, подсев,
 За еще одним побежим,
 И так далее, пока не употребим их все.

— В этого больше не доливать чернил, не подсыпать букв, —
 Думает тот, кто всегда чинил, штопал кукол:
 — Ты как знаешь, Создатель, а я дальше — пас,
 Пусть отныне живут себе, как умеют,
 Рук и ног, суставов, тряпичных сердец запас
 У меня иссяк. Не поверишь, Господи, надоели —
 То у них война, то голод, то бунт,
 То чума, то оспа, то моровая язва,
 Одному успеваю еле пришить лоскут,
 У другого, смотришь, уже не хватает глаза.

Столько сотен лет я не брал выходной,
 Маму старую не навещал, не общался с дочкой,
 По твоим лекалам я их тачал — не прстой,
 Самой крепкой, надежной строчкой.

А младенцы, Боже? Вот их сошьешь
 Самых нежных кожи и льна — как на-ка! —
 Собираешь брошенных, достаешь
 Из сортиров, свалок, помойных банок.

Этим куклам добро не впрок,
 Не велишь их шить абы как, попроще,
 Я пытался, Господи, я не смог,
 Я устал, состарился, закрываю, в общем,

Эту лавочку, ухожу. Оставляю всё
 На столе и полках: здесь — утюжу, а здесь — вяжу,
 Здесь храню тесьмы да иголки.
 Поменял у «Зингера» колесо
 Маховое. Хоть и старая, хороша машина,
 Это грим и краски, чинить лицо,
 Кисти мою вон в том кувшине.

Не проси, хозяин, и не держи,
 Сам ведь знаешь, что я запью...

...Кто в руках твоих, покажи,
 Ну, конечно, зашью, зашью...

